

Елена Реугова

Сюжет:

[71 год со Дня Победы в ВОВ](#)

Поколение забытых?

ФОТО: Дмитрий Кандинский / vtomske.ru

Сообщение из радиоприемников, прозвучавшее 75 лет назад, в один миг круто перевернуло жизнь целого поколения, разделив ее на «до» и «после». До — школьники готовились к выпускному вечеру, девчонки играли в «дочки-матери», непоседливые мальчишки скакали верхом на деревянных лошадках, представляя себя красноармейцами. После — мобилизация родителей, война, необходимость взрослеть и работать наравне со взрослыми на заводах и в колхозах. Детство поглотила война, юность — послевоенная разруха и голод.

Прошли десятилетия. Мы каждый год чтим память ветеранов, пронося их портреты в «Бессмертном полку», с болью в сердце вспоминаем о том, что пришлось пережить жителям блокадного Ленинграда. Но крайне редко задумываемся о судьбе тех, кого война лишила детства.

Вынужденно повзрослевшие

Принято считать, что основные тяготы войны коснулись детей, оказавшихся на оккупированных территориях. Но и в далекой от боев Сибири жилось несладко.

К моменту начала войны родители моей мамы были еще подростками. Бабушке было 15, деду — всего 13 лет. Сегодня дети в этом возрасте ведут беззаботную жизнь. Но для поколения моих бабушек и дедушек детство закончилось 22 июня 1941 года.

С началом войны в деревенской школе оставались только самые младшие, для старших школьников обучение закончилось. Бабушка обучилась вождению колесного трактора и пахала землю, как заправский мужик. Оба ее брата ушли на фронт в первые же дни войны. Оба погибли. Леонид так и не успел жениться, у Петра остались две малолетние дочери, которые никогда больше не видели отца — он погиб под Москвой еще в 1941 году — прямое попадание, и ни от машины, ни от ее водителя не осталось и следа. Бабушка стала для семьи кормилицей. Зарплату в привычном нам виде — деньгами — в деревне не давали, считали трудодни. Заработанное выдавали зерном, которым она делилась и с племянницами. За это отец называл ее «сынком». После окончания войны она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

Известие о Победе застало бабушку в поле. В 1945 году погода позволила выйти на пахоту рано. По ее рассказам, все побросали трактора, побежали в деревню, плакали, смеялись, радовались. Дождались. Но радость была тяжелой. Еще тяжелее было первое время после войны, когда страну поднимали из руин. Вчерашние дети, женщины и те немногие, кто вернулся из пекла не инвалидом.

Конечно, для своих семей дети войны — герои, порой не меньшие, чем фронтовики. Но на государственном уровне они ничем не отличаются от всех остальных пенсионеров: ни льгот, ни привилегий, ни признания. Несмотря на то, что с каждым годом уходят не только ветераны, все меньше остается и тех, кто пережил ужасы войны в детском возрасте. Но до сих пор нет даже единого для России понятия «Дети войны».

Меньше половины

Впрочем, не буду говорить за всех. Сначала в Челябинской области, а потом и еще в 37 регионах России были приняты региональные законы о «детях войны». Всего в 38 из 85 — меньше, чем в половине. В основном все ограничивается доплатами к пенсии и некоторыми социальными льготами, но есть и другие

примеры. Так, в Красноярском крае дети войны раз в два года могут получить компенсацию на проезд туда и обратно к месту захоронения одного из родителей, погибшего при защите Отечества.

Пока статус детей войны принят не во всех регионах, и нет единого федерального закона, порой складывается парадоксальная ситуация.

— В качестве примера — мои родители. Мамин отец ушел добровольцем на фронт, оставив жену с двумя детьми на руках — моей маме было семь лет, ее сестре — два годика. А через месяц после его ухода родился сын. Мой дядя жил в Кемеровской области, умер молодым, но, если бы дожил до наших дней, то получал бы выплаты как ребенок войны. Тетя живет в Новосибирске, ей выплачивают по 300 рублей ежемесячно (но потребовалось доказать, что отец погиб или пропал без вести). Мама живет в Томске — не получает ничего. Она не особо переживает по этому поводу. Большинству из тех, чье детство выпало на страшные годы важны не столько выплаты, сколько сам факт, что о них помнят, — уверена Наталья Морокова, поисковик-исследователь, член городского совета ветеранов.

Споры о том, кого признать детьми войны, на федеральном уровне ведутся уже не один год. Это те, у кого отцы ушли и не вернулись? Или те, кто родился в годы войны? Или те, кто родился от участников боевых действий? Именно в определении понятия — основная загвоздка.

— Я думаю, должно быть две категории: кому на начало и конец войны не было 18 лет, и те, чьи отцы ушли на фронт и не вернулись. Тогда деньги будут выделяться целенаправленно под каждую категорию, — считает Наталья Бариевна.

Многих законодателей смущают различия в судьбах детей. Действительно, во время войны в тылу жили по-разному. У одной семьи отец ушел на фронт в 1942 году, оставив двух малолетних сыновей. В первом же бою был тяжело ранен и после нескольких месяцев мотаний по госпиталям вернулся. Другая семья всю войну прожила на острове в Молчановском районе. Вела хозяйство, имело скотину — голода не знала. И в то же время были случаи, когда после ухода мужа на фронт женщина оставалась с несколькими малолетними детьми на руках и по состоянию здоровья не могла работать. Такие выживали благодаря добрым людям.

По некоторым историям можно и вовсе снимать сериалы в духе индийских фильмов. После ранения в первые месяцы войны фронтовик был направлен долечиваться в одно из сел Томской области. Был уверен, что его семья погибла в Украине. Встретил в Сибири женщину, в 1942 году родилась девочка. Но выяснилось, что его семья выжила и была эвакуирована на Дальний Восток. Его новая жена в голодные военные годы собрала чемодан мяса и отправила мужчину к семье, мол, там определишься, с кем ты хочешь быть: с ними или с

нами. Больше он не вернулся. И кто же родившаяся девочка? Ребенок войны или нет?

Не утихают споры и по другому моменту. Те парни и девушки, которые на начало войны были подростками, после Победы поднимали страну из руин. А к тому возрасту, когда подростками стали дети, родившиеся в конце войны, основные тяготы по восстановлению нормальной жизни уже минули.

На первый взгляд, кажется, что принятие закона о детях войны ударит по бюджету — даже минимальные выплаты и льготы, умноженные на число людей, попадающих под эту категорию, будут колоссальной нагрузкой. Но не стоит забывать, что льготы по разным категориям (инвалидность, семьи репрессированных и т.д.), как правило, не суммируются, людям потребуется выбрать основание для предоставления льгот. А значит, и траты будут не такими уж и космическими. А для многих это станет единственной возможностью получить так необходимую помощь.

— Я всегда привожу такой пример. В Асино живет женщина, отец которой погиб на фронте, мама уже умерла, других родственников нет. А дом уже заваливается. Она обратилась за помощью в районную администрацию, но ответ был очевиден: нет средств, и ни под какую категорию льготников она не попадает, — рассказывает Наталья Морокова.

Это больной вопрос. Большинство потенциальных «детей войны» — это не просто льготники, это люди пожилые, больные, не имеющие высоких пенсий и пособий, которые лучшие годы жизни и свое здоровье положили на то, чтобы поднять экономику страны.

В поисках истины

Даже в случае принятия понятия и закона, некоторые «дети войны» столкнутся с проблемой: как доказать свой статус? Данные о погибших нередко теряются, и как тогда доказать, что отец действительно был фронтовиком и погиб, защищая Родину?

Что говорить о простых рядовых, если в безвестность могут кануть даже те, кто на малой родине был известен. Когда проходили первые выборы в Верховный Совет СССР, из Каргасокского района депутатом первого созыва был Петр Голещихин. После начала войны он пошел на фронт добровольцем и погиб, будучи командиром роты.

— Его не было в «Книге памяти». Информацию о его судьбе я нашла совершенно случайно, — вспоминает Наталья Бариевна. — Просматривая данные по потерям 370 дивизии, которая формировалась в Асино, в колонке прочитала: старший лейтенант Голещихин П.Е., депутат Верховного Совета СССР, погиб. После этого его имя занесли на стелу в Лагерном саду.

Есть и более трагические истории поисков.

— Недавно мне позвонила женщина и рассказала, что помнит, как отец уходил на фронт осенью 1942 года, когда ей было всего четыре года. В «Книге памяти» данных о нем не было, и я на всякий случай решила проверить его по книге «Боль людская» (книга памяти репрессированных томичей). Именно там я его и нашла: ему дали десять лет и пять лет без права переписки. Номер полка и дивизии — все указано. По моему совету женщина отправилась на проспект Кирова, 18, с паспортом и свидетельством о рождении, — рассказывает поисковик-исследователь. — Через какое то время она пришла ко мне. В копии сопроводительного письма по делу ее отца — 20 человек. Первого расстреляли, последнего освободили от уголовного преследования, 18 человек получили сроки. Кроме того, ей была выдана справка о том, что он был реабилитирован, и она как член семьи имеет право на льготы. И кстати, такие дети — это дети войны?

Конечно, искать порой не просто. Но вполне реально. Если есть запись в военкомате, что человек мобилизован, это уже документ, подтверждающий, что человек был призван в действующую армию. Да, он мог не доехать до фронта, сбежать — такие случаи тоже были, но это уже какая-то отправная точка. В селах такую информацию можно найти в хозяйственных книгах — там прописан состав семьи, и отмечены те, кто выбыл в Красную армию. Главное, верно сформулировать вопрос: когда человек был мобилизован и куда направлен. Еще лучше — сделать копию страницы: как правило, там указано, кто был мобилизован вместе с ним. Если выдавалось извещение о гибели, важно обратить внимание — кому. Имена нередко путали, это поможет уточнить, о ком идет речь.

Помочь могут и некоторые сайты: obd-memorial.ru, podvignaroda.mil.ru и некоторые другие.

— Я против тех, кто говорит: давайте мы всех пропавших без вести будем считать погибшими. Этого делать нельзя по закону, — уверена Наталья Морокова. — Есть масса примеров, когда люди просто не хотели возвращаться домой. В доме инвалидов в Татьяновке Шегарского района были люди без рук, ног, глаз, которые ездили на тележках. Они не хотели быть обузой семье, которая считала их пропавшими без вести. Почему государство не захотело объединить семьи — это уже другой вопрос? Но сейчас, даже если в каком-то регионе принимают закон о детях войны, люди порой не могут подтвердить свой статус.

Спорить о необходимости официального признания «детей войны» можно долго. И сложностей на этом пути будет немало. Но отдать дань уважения тем, чье детство и юность выпали на самые тяжелые годы — необходимо. Так же, как оказывается внимание блокадникам и вдовам ветеранов Великой Отечественной войны.

Добавлю, что статус «дети войны» на федеральном уровне не принят до сих пор. Законопроект, предусматривающий льготы для поколения, родившегося в период с 1923 по 1945 год, рассматривается Госдумой уже несколько лет. Тем временем регионы принимают законы на местном уровне. В Законодательную Думу Томской области проект закона «О мерах соцподдержки ветеранов категории «Дети войны» в Томской области» вносился на рассмотрение депутатов в 2014 году, однако пока так и не был принят.